

Летнев П.

Чужое преступление

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П11

П11 **П. Л.**
Чужое преступление / Летнев П. – М.: Книга по Требованию, 2025. – 273 с.

ISBN 978-5-519-93335-3

ISBN 978-5-519-93335-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Начало Фоминой недѣли. Богатый историческими воспомина-
ніями монастырь Троице-Сергіевской лавры, отстоящій недалеко
отъ Москвы, полонъ богомольцами. Всенощная только-что кон-
чилась и всѣ спѣшили укрыться по гостинницамъ отъ пролив-
ного дождя. И, какъ нарочно, лишь только опустѣла площадь,
дождь кончился внезапно, какъ обыкновенно кончаются весепнія
грозы. Въ воздухѣ стала невыразимая тишина; теплый благоуха-
ющій паръ поднялся изъ земли; на чистомъ небѣ появились звѣзды
и освѣтили поэтическимъ полусвѣтомъ зданія и куполы церквей.
Во всѣхъ домахъ, гдѣ были номера для прїѣзжающихъ, окна были
растворены и оттуда слышался говоръ. Только одна громада ста-
рой монастырской гостинницы стояла угрюмая, мрачная и герме-
тически закупоренная отъ всякаго дуновенія свѣжаго воздуха.

Въ одномъ изъ номеровъ нижняго этажа металась въ тоскѣ
отъ духоты и жара молоденькая дѣвушка и пыталась всѣми си-
лами отворить единственное, выставленное, но крѣпко запертое
на крючекъ окно.

Сидѣвшая на диванѣ пожилая спутница этой дѣвушки выни-
мала изъ дорожнаго мѣшка серебряныя ложечки и въ то-же время
зорко наблюдала за всѣми ея поступками и, очевидно, относилась
недоброжелательно къ ея попыткамъ отворить окно. Это была ея
тетка, Настасья Дмитріевна Аленина, прїѣхавшая въ Москву соб-
ственно за тѣмъ, чтобъ взять племянницу, кончившую курсъ въ
гимназіи и выдержавшую университетскій экзаменъ, и отпезти ее
въ деревню къ отцу. Передъ отѣздомъ изъ Москвы ей захотѣ-

лось воспользоваться близостью Троицко-Сергиевской лавры и съѣздить поклониться мощамъ.

— Анята, дружокъ, замѣтила она, наконецъ, дѣвушка такимъ тономъ, какимъ урезониваютъ дѣтей: — монастырскій уставъ не дозволяетъ выставлять рамъ до Троицы. Ты слышала, что сказала служка, — что это окно выставлено только по тому случаю, что разбили раму...

— Ну, и надо этимъ пользоваться, возразила Анята, вся раскрасѣвшаяся отъ успѣй сдвинуть крючекъ; — пусть монахи покоятся своимъ уставамъ, а мы не обязаны задыхаться.

Сопrotивленіе окна, казалось, подстрекало еще больше молодую дѣвушку; она остановилась, подумала немного и затѣмъ съ рѣшительнымъ видомъ пошла къ двери.

— Куда ты? оклинула тетка.

— За молоткомъ.

— О, Господи Боже мой! протестовала вполголоса Аленина.

Но прежде, чѣмъ Анята подошла къ двери, она медленно растворилась и въ комнату вплыла чопорно одѣтая старуха, лѣтъ семидесяти на видъ. На самомъ дѣлѣ ей было за восемьдесятъ, но она была однимъ изъ рѣдкихъ уцѣлѣвшихъ экземпляровъ прежней породы людей, богатой кровью и мускулами, крѣпкой нервами и, слѣдовательно, физически бодрой и сильной. Это была нянька семейства Алениныхъ, вынѣчившая столько поколѣній, что даже смѣшивала ихъ одни съ другими.

— Не спѣши, не спѣши, а то съ ногъ собьешь, сказала она съ усмѣшкой Анятѣ: — самоваръ принесутъ сейчасъ.

Дѣвушка, улыбувшись, исчезла за дверью.

— Аграфена Ивановна, сказала старуха Аленина очень громко, такъ-какъ та была глуха: — вы знаете, зачѣмъ она пошла?

— Зачѣмъ?

— Хочетъ молоткомъ выбивать раму! Подумайте, какой соблазнъ. Эти гимназистки все хотѣтъ умнѣе всѣхъ быть. Напрасно и поѣхала за пей, только бѣды наживешь.

Старуха съ ужасомъ качала головой. Анята воротилась съ молоткомъ, и черезъ минуту окно распахнулось настежь. Ароматный воздухъ весны, пропитанный теплою влагой, влился волнами въ затхлую атмосферу комнаты.

— О, Господи Боже мой! пробормотала вторично Настасья Дмитриевна, нападывая на себя большой платокъ.

Но Анята не слыхала. Съ счастливою улыбкой, съ румянцемъ на щекахъ, она высунулась изъ окна и какъ-будто купала въ свѣжемъ воздухѣ свое молодое, цвѣтущее лицо. Это было круглое, съ мягкимъ обликомъ, съ мелкими чертами, странное, но чрезвычайно пріятное личико. Роскошные, густые, свѣтло-каштановые волосы и при нихъ глаза брыжетки, — черные, страстные глаза, обведенные сверху и снизу длинными темными рѣсницами. Темныя брови, низко и прямо раскинутыя надъ этими глазами, придавали лицу выраженіе смѣлости и рѣшительности; но въ очертаніяхъ рта было что-то мягкое, доброе, дѣтское. Его улыбка совершенно преобразовывала всѣ черты лица, освѣщая ихъ какъ яркій лучъ солнца, на щекахъ являлись ямочки, жемчужные зубы блестяли, привѣтъ и ласка свѣтились въ смѣющихся глазахъ. Между тѣмъ Настасья Дмитриевна и няшка Аграфена разставили на столѣ чайную посуду и принялись за чаепитіе. Служка принесъ имъ самоваръ и сливокъ.

— Шутка-ли, сорокъ лѣтъ я не была въ Москвѣ, начала Аграфена; — пошла было къ знакомому купцу, Ивану Прохоровичу, у него на Арбатѣ домъ былъ; смотрю — ужъ и дома нѣтъ, п нито о немъ не знаетъ! Такъ грустно стало; если-бъ не повидаться съ Любочкой, ни за что-бы я по этой желѣзной дорогѣ не поѣхала.

Любочка была меньшая сестра Аняты, находившаяся въ московскомъ институтѣ. Услышавъ про нее, Анята подошла и сѣла къ столу.

— Люба обрадовалась тебѣ, няня? спросила она.

— Такъ и залилась слезами отъ радости! И ужъ какъ была рада гостинцамъ; все вспоминала, какъ я бывало въ деревнѣ се

кормила и постилой, и лепешками, и лядами. Такая смѣшная! я спрашиваю: поцѣловать отъ тебя Анюту? А она: пѣтъ, говорить, я на нее сердита. Ес въ деревню берутъ, а меня нѣтъ. Она у васъ счастливая, а я несчастная!

Старуха добродушно разсмѣялась капризу своей любимицы, а Анюта повторила задумчиво:

— Счастливая? Это неизвѣстно.

— Развѣ ты не рада увидеть отца? спросила не безъ колкости тетка.

— Я не про то, отвѣчала Анюта, не замѣтивъ колкости;—но я не знаю, какал тамъ будетъ жизнь и что я буду дѣлать. И притомъ мнѣ ужасно жаль, что нашъ огромный старый домъ проданъ; неужели нельзя его опять выкупить, тетя?

— Нѣтъ, матушка, простись! отвѣчала та:—что изъ рушъ выскользнуло, того ужъ не воротишь. Твой папаша пожировалъ въ своей жизни, да вотъ теперь отъ всего прежняго богатства оставилъ дочерямъ одинъ флигель да деревушку.

— О, я о богатствѣ нисколько и не думаю, прервала Анюта;—я жалѣю только домъ, который такъ живо мнѣ до сихъ поръ представляется, съ коридорами, съ большими каминами, съ лѣстницами! Неужели этого ничего больше нѣтъ?

— Какъ нѣтъ? все осталось по прежнему, только не наше. Этотъ домъ купилъ генералъ Громовъ, нашъ сосѣдъ. Я тебѣ говорила, что онъ недавно женился?

— Ахъ, батюшки, вѣшчалась Аграфена, ставя на столъ чашку: чтобъ удобнѣе рассказывать,—я и забыла вамъ сказать: вѣдь я съ ними встрѣтилась, они вотъ тутъ въ ближней гостинницѣ стоятъ.

— Кто?

— Этотъ самый нашъ генералъ Громовъ, съ женой. А я мать-то ся знаю, то-есть жены-то его мать. Иду по лѣстницѣ, а она и встрѣчается...

— Мать жены? кто-же она такая? откуда? говорятъ, ихъ семейство очень бѣдное? съ любопытствомъ спрашивала Аленина.

— Вотъ ужъ подлинно можно сказать, что Господь ихъ выскалъ за бѣдность, глубокомыслебно возразила старуха:—бѣдность такая, что мени даже слеза прошибла, какъ я у нихъ была, этому ужъ лѣтъ шесть, въ Казани. Дѣти малъ-мала меньше и сама опа—это мать-то—на продажу шерстинныя перчатки вязала.

— Какъ ея фамилія? спросила Аленна.

— Озерова. Она изъ благородныхъ, только что бѣдность да дѣти сокрушили. А теперь вотъ дочь генеральша и богачка.

— Озерова? Ну-да, знаю, я о ней много нехорошаго слышала, возразила пренебрежительно Настасья Дмитриевна:—говорятъ, что она старшую дочь свела съ однимъ господиномъ... Позвольте, какъ его фамилія... опъ еще извѣстный литераторъ. Да — Хабаровъ! вотъ его фамилія. Вѣдь это старшая дочь вышла за Громова?

— Старшая; тѣ еще подростки. А дурно объ ней потому говорили, что бѣдная. Про богатыхъ никто дурнаго не скажетъ.

— Будто-бы?.. сказала Анята, улыбувшись и недовѣрчиво покачавъ головой.

— А ты какъ думаешь? Посмотри, какъ всѣ теперь будутъ имъ кланяться. Мать-то такая веселая, платье на ней хорошее, на головѣ чепецъ съ лентами; вотъ, говоритъ, Аграфена Ивановна, моя дочь теперь вашей сосѣдкой будетъ. Это она намечаетъ, что домъ-то ужъ теперь не нашъ, а ихъ сталъ; а я и говорю: что-же моимъ господамъ на ихъ вѣкъ довольно еще осталось, а барышни-то вырастутъ и сами повйдутъ за генераловъ.

— Это ужасно, ужасно! пробормотала Аленна, вставая.—Какая-нибудь выскочка будетъ жить на носу и выставять на показъ свое богатство.

Анята засмѣялась досадѣ тетки и пошла опять сѣсть къ окну. Ночь такъ и манила ее своей обаятельной темнотой и теплотой. Тетка ея и старуха-ниня начали убирать посуду и готовить постели, а она все сидѣла и не могла оторваться отъ этого окна. Ее охватывало какое-то тревожное и томительное чувство—жела-

ніе чего-то такого, что не существовало вокруг нея. Это желаніе уносило ее въ сказочный міръ, гдѣ всѣ любятъ другъ друга, помогаютъ другъ другу, гдѣ всѣ бодро и весело занимаются полезнымъ дѣломъ и жизнь ихъ кипитъ, горитъ и сверкаетъ, какъ искры въ горнилахъ переплавленныхъ металовъ.

Но никакія безпокойныя мысли не устанваютъ передъ здоровымъ сномъ молодости. Анюта, хотя легла спать послѣднею, заснула прежде всѣхъ. Тетка ее долго ворочалась, вздыхая и страшно въ душѣ завидуя счастливой судьбѣ молодой генеральши, попавшей пазъ лачуги въ хоромы. Аграфена, улегшаяся за перегородкой па перинѣ, съ часъ шептала про себя молитвы и акафисты. Наконецъ, и ее уста сомкнулись.

Было около часа ночи, когда Анюта внезапно проснулась. Она не могла отдать себѣ отчета въ томъ, что именно разбудило ее; но ей казалось, что передъ этимъ былъ какой-то шумъ. Но теперь тишина была полная и въ комнатѣ совершенно темно, такъ-какъ гардины были спущены. Анюта закрыла опять глаза, но продолжала невольно прислушиваться. И мало-по-малу ей стало чудиться, что вокруг нея что-то движется, что-то происходитъ, хотя она не слышала ни малѣйшаго шума.

„Вотъ она, сила воображенія, подумала она съ любопытствомъ; — гдѣ это я читала... не помню, <что воображеніе творить образцы внѣ себя>... И это бываетъ только ночью, въ темнотѣ, потому-что днемъ видъ дѣйствительныхъ предметовъ не даетъ разгуляться воображенію. Однако, это въ родѣ кошмара, прибавила она не совсѣмъ спокойно: — пожалуй, еще я увижу призрака!..“

Она привстала и развела руками вокругъ себя.

— Пустота, сказала она самой себѣ, опять ложась на подушку;—вотъ и прошло все.

Лишь только она это подумала, какъ ощущеніе, извѣстное каждому, хотя трудно опредѣлить, въ чемъ именно оно состоитъ,—ощущеніе чьего-то присутствія возлѣ нея, сказалось ей такъ

ясно и настойчиво, что она вскочила съ дивана и пошла впередъ съ протянутыми руками и бьющимся сердцемъ. Ей больше не было охоты шутить съ кошмаромъ; она хотѣла скорѣе отрезвиться дѣйствительностью, выпить воды или зажечь огня.

Вдругъ одна изъ ея протянутыхъ рукъ очутилась въ чужой рукѣ... Анюта не вскрикнула, но оцѣпенѣла на мѣстѣ отъ неожиданности, изумленія и смутнаго сомнѣнія, точно-ли это не галлюцинація. Рука ея все оставалась въ этой таинственной, неподвижной рукѣ, которая не сжимала и не выпускала ее. Эта неподвижность была такъ пронзительна, что Анюта опять усомнилась, точно-ли передъ ней человѣкъ, а не какой-нибудь предметъ.

— Кто это? спросила она тихо, щупая то, что держала.

Да, это была рука, живая, теплая, съ гибкими пальцами. Плотное, но не сильно охватившими ея пальцы.

Еще секунды двѣ простояла Анюта, молча, рука объ руку съ призракомъ. Вдругъ неопредѣленный, панический ужасъ нахлынулъ на нее, какъ волна; она рванулась и отбѣжала прочь съ крикомъ:

— Тетя! воры! поры!

Алепина встrepенулась, вскочила и, не дожидаясь больше никакихъ объясненій, схватила изъ подъ подушки свои сумки и узелки и кинулась въ коридоръ.

Анюта, между тѣмъ, дрожащими руками напнула на себя платье: но вмѣсто того, чтобъ бѣжать за теткой, подошла къ окну и отдернула гардину. Ей все не вѣрилось: она не могла взять въ толкъ, что такое случилось.

Обернувшись, она вздрогнула. Воръ стоялъ передъ нею, такъ близко, что, несмотря на полумракъ звѣздной ночи, она ясно увидала его глаза, устремленные на нее съ такимъ глубокимъ выраженіемъ ужаса, тоски и отчаянія, что на сердцѣ у нея захолонуло и мысли спутались въ головѣ...

Между тѣмъ въ коридорѣ слышались все усиливавшіеся шумъ и волненіе; звонкій голосъ Алепиной раздавался неумолкаемо,

требуя огня и людей; борздорные ругались, не находя спичекъ: испуганные голоса постояльцевъ спрашивали, что случилось; женщины вскрикивали. Одна только нянька Аграфена, по глухотѣ своей не слыхавшая, въ чемъ дѣло, безмятежно зѣвала и крестилась за своей перегородкой.

— Погоди, надо взять палку, слышался говоръ между прислугой:—неизвѣстно, что у него въ рукахъ, пожалуй по голомѣ хватить.

— Веревокъ, веревокъ давайте!

— Подъ окномъ-то караульте, а то онъ въ окно уйдетъ.

— Не уйдетъ, тамъ уже стоятъ. Шалишь, голубчикъ!

Анюта слушала и холодила. Въ этихъ переговорахъ и приготовленіяхъ звучало что-то такое кровавадное, жестокое, что у ней стѣспилось сердце отъ жалости, глядя на стоявшаго передъ нею растеряннаго человѣка, устремившаго на нее лѣглядъ, полный отчаянія и безпомощности. Вся эта облава, поднятая ею на беззащитнаго, не повелѣвшаго пальцемъ, чтобъ отомстить ей, показалась ей ужаснѣе и возмутительнѣе воровства.

— Зачѣмъ вы предаете меня? шепнулъ онъ ей, и этотъ голосъ человѣка, близкаго, вызвавшаго къ ней, прекратилъ мгновенно всякую нерѣшимость.

Анюта быстро толкнула вора въ уголъ, гдѣ висѣли бурнусы и платья, за которыми онъ совершенно скрылся. Почти въ эту самую минуту въ дверь выставились сначала головы, трусливо озиравшіяся вокругъ, потомъ мало-по-малу вошла цѣлая толпа съ палками, веревками и другими орудіями. Анюта содрогнулась и, придвинувъ стулъ къ углу съ платьями, сѣла на него, какъ будто инстинктивно защищая своего плѣнника.

— Анюта, что ты со мною дѣлаешь? восклицала Алена, всплескивая отъ волненія руками.—Я думала, ты за мной пошла, а ты тутъ одна остаешься! Долго-ли ворахъ тебя прихлопнутъ!

— Здѣсь никого нѣтъ, сказала Анюта отрывисто.

— Какъ никого нѣтъ? раздалась голоса.—А воры-то?

— Не знаю... Здѣсь нѣтъ никого.

— Вѣрно онъ ушелъ въ окно, сказала Аленина;— это ваше дѣло было поставить караулъ подѣ окномъ, обратилась она съ выговоромъ къ окружающимъ.

— Караулъ тамъ и стоитъ, чего вы, сударыня! дерзко возразилъ коридорный.—Если-бы былъ воръ, такъ мы-бы его не выпустили. А это вамъ, видно, почудилось.

— Анюта, что-же ты молчишь? обратилась къ ней тетка:— вѣдь ты видѣла вора?

— Нѣтъ, беззвучно отвѣтила та.

— Да вы осмотрите, все-ли у васъ цѣло, ничего не украдено? спросили изъ толпы.

Аленина начала торопливо шарить по столамъ и стульямъ и бросилась къ углу съ бурнусами... Но Анюта прежде нея протянула руку, осмотрѣла висѣвшія одежды и сказала громко и твердо:

— Все цѣло.

— Изъ-за чего же вы народъ-то булгачили? съ укоромъ обратился коридорный къ Алениной.

Ей было ужасно досадно на племянницу, но такъ-какъ нельзя было при всѣхъ сорвать на пей сердце, то она гнѣвно накинулась на коридорнаго:

— Потяпсе, любезный; я буду на тебя жаловаться. Я не намѣрена даромъ платить деньги за то, чтобы меня беспокоили. Ты долженъ обыскать вездѣ!

— Ну, вотъ, и обыщемъ; воръ не иглока, отвѣчалъ тотъ и начиная нагибаться со свѣчкой подѣ диваны и стулья, очевидно больше для курьезу, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

Толпа хихикала.

— Подѣ подушкой-то у нихъ посмотри, сказалъ кто-то.

— Ну, это я виновата, мнѣ приснилось; оставьте насъ! сказала Анюта, вся блѣдная, вставая со стула.

— Мы и такъ видимъ, что приснилось, отвѣчали ей, и всѣ вышли кто со смѣхомъ, кто съ ворчаніемъ.

— Это къ намъ, бабушка, воръ-то приходилъ? шутили они, уходя, со старухой, сидѣвшей въ тревогѣ посреди своей перины.

— Ко мнѣ, отвѣчала она, не разслышавъ всего вопроса. — Ну, что, никого не нашли?

— Никого.

— Это, знать, почудилось, успокоилась она и легла.

Между тѣмъ Настасья Дмитриевна выходила изъ себя.

— Богъ тебѣ судья, Анюта, говорила она: — осырами ты меня! Ты хоть бы предупредила меня, что сдѣлаешь такой гвалтъ, а то не говори ни слова, вдругъ всю гостиницу поднять на ноги. Это все хваленое общественное воспитаніе. Вотъ тебѣ и воспитаніе!

Анюта, не отвѣчая, завернулась въ черный кашемировый платокъ и легла на свой диванъ, отвернувшись къ стѣнѣ.